

Сталин скажет так: "Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой".

В 1944 году пришло время знаменитой Белорусской операции. В Ставке обсуждались разные варианты ее проведения. Основной вопрос — где нанести главный удар?

Предложение командующего Первым Белорусским фронтом генерала армии Рокоссовского было необычным: нанести одновременно два главных удара. До сих пор при прорыве подготовленной обороны противника наносился, как правило, один главный удар, остальные удары бывали вспомогательными, чтобы противник не мог определить, на каком направлении должен развиваться успех. Г.К. Жуков и Генеральный штаб были категорически против двух главных ударов и настаивали на одном — с плацдарма на Днепре в районе Рогачева. Верховный тоже придерживался такого же мнения. По логике, вариант Рокоссовского половинил силы и средства, что казалось просто недопустимым при проведении такой крупномасштабной операции.

"Если бы это предлагал не Рокоссовский, этот вариант при наличии таких оппонентов, как Сталин и Жуков, просто пропустили бы мимо ушей, — говорит Голованов, — в лучшем случае как необдуманное, в худшем — как безграмотное предложение".

Верховный попросил Рокоссовского пойти в другую комнату и еще раз подумать, прав ли он. Когда Константина Константиновича вызвали, он положил, что своего мнения не меняет. Сталин попросил его еще раз выйти и подумать. Но когда он снова вернулся в кабинет Верховного, по-прежнему остался тверд и непреклонен, хотя прекрасно понимал, что ему теперь будет грозить в случае неуспеха. Верховному стало ясно, что только глубоко убежденный в правильности своего мнения человек может так упорно стоять на своем.

Предложение Рокоссовского было принято, и он своим фронтом, передний край которого шел на протяжении порядка девятисот километров, на правом фланге, впервые в мировой практике, нанес два главных удара, и это оказалось наиболее обоснованным решением. Именно там, где наносился второй главный удар, был достигнут наибольший успех, а с плацдарма у Рогачева такого успеха сразу достигнуто не было, и развиваться он стал позже.

Немцы попали в огромные "котлы". Белорусскую операцию изучают все военные академии мира. Она получила название "Операция "Багратион" — в честь выдающегося русского полководца 1812 года. Но, наверно, немногие знают, что такое имя ей дано еще и потому, что Сталин называл Рокоссовского "мой Багратион"...

"Боевые действия руководимых им войск, — пишет Голованов, — снискали ему не только славу великого полководца в нашей стране, но и создали ему мировую известность. Вряд ли можно назвать другого полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и в наступательных операциях прошедшей войны. Благодаря своей широкой военной образованности, огромной личной культуре, умелому общению с подчиненными, к которым всегда относился с уважением, никогда не подчеркивая своего служебного положения и в то же время обладая волевыми качествами и выдающимися организаторскими способностями, он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всех, кто с ним общался.

Его любили. Любили солдаты. Может быть, еще и потому, что по его поручению ездил по госпиталям генерал Русских и награждал орденами и медалями раненых рокоссовцев. Лежавшим рядом, получившим ранения на других фронтах, наверно, было обидно... О рокоссовцах ходили легенды, говорили, что они — сплошь штрафники. Но это далеко не так, верней, совсем не так. Штрафников у Рокоссовского было не больше, чем у других командующих. Может они громче прославились? Или потому так считали, что сам Рокоссовский — бывший "сиделец"?

... Что немаловажно, его любили и офицеры. Сергей Сергеевич Наровчатов, поэт, боевой офицер, рассказывал мне, что служил под командованием Жукова. Но когда в конце войны они узнали, что новым командующим у них будет Рокоссовский, все офицеры бросили вверх шапки и закричали "ура!". Пишу это несколько не в обиду Жукову, а как факт, рассказанный мне старшим товарищем по перу.

А Голованов поведал мне, как произошла эта смена командующих фронтами. Во время Висло-Одерской операции наши войска были ослаблены и не смогли форсировать Вислу. Жуков как представитель Ставки взялся командовать фронтом Рокоссовского и потерпел неудачу.

Сталин позвонил Рокоссовскому: — От кого, от кого, от вас, Константин Константинович, не ожидал.

— А я здесь не командую, товарищ Сталин, — ответил Рокоссовский.

Жуков был снят с поста заместителя Верховного и назначен на фронт Рокоссовского, а Рокоссовский — на фронт Жукова.

"Такой приказ был, — говорит Голованов, — но несмотря на это, Жуков принимал капитуляцию и Парад Победы как заместитель Верховного, хотя таковым уже фактически не был. Я убежден, что в душе Сталин хотел бы назначить принимать парад Рокоссовского, но умом назначил Жукова".

Наверно, это справедливо, что в каждой уважающей себя армии должен быть "генерал без поражений". В германской армии таким был Роммель. Когда ему грозил разгром англичанами, Гитлер вывел его из Африки. В нашей армии таким был Жуков. Когда не получалось с прорывом блокады Ленинграда и не могло пока еще получиться, Сталин отозвал оттуда Жукова...

Голованов пишет: "Рокоссовскому, как лучшему из лучших командующих фронтами, было предоставлено право командовать Парадом Победы на Красной площади. И встретились опять два выдающихся полководца нашего времени Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский уже не на поле брани, а празднуя Победу. Один принимал парад, другой командовал им!". Сталин просто так ничего не делал: два самых лучших, самых прославленных...

И вот еще из "неопубликованного Голованова": "Обладая даром предвидения, он почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника, упреждал их и, как правило, выходил победителем. Сейчас еще не изучены и не подняты все материалы по Великой Отечественной войне, но можно сказать с уверенностью, что, когда это произойдет, К.К. Рокоссовский бесспорно будет во главе наших советских полководцев".

Не буду спорить. Это мнение Голованова, которое он всегда твердо отстаивал.

... Много кривотолков ходит о назначении Рокоссовского в Польшу после войны. Некоторые историки считают, что Сталин решил избавиться от таких народных героев, как Жуков и Рокоссовский, потому что вроде бы видел в них конкурентов себе. Одно из назначил командующим округом, а другого отправил в Польшу. Эта версия явно не соответствует действительности.

Мы знаем, как снимали Жукова с должности Главкома сухопутных сил в 1946 году. Рокоссовский отдавал должное Жукову как полководцу, высоко ценил его военный талант и вместе с тем считал, что требовательность Жукова к подчиненным часто переходит все границы, но он также требователен и к себе и цели добивается любым путем. Стиль его работы с людьми Рокоссовский считал недопустимым. Однако когда Жукова снимали при Сталине, первым за него заступился именно Рокоссовский. Когда же его снимали при Хрущеве, в 1957 году, с поста министра обороны, первым, кто выступил против него, был тоже Рокоссовский. Надо сказать, что после отставки Хрущева возникло мнение вернуть Жукова на прежний пост, но ни один маршал не поддержал это предложение. Голованов, в частности, сказал:

— Если вы хотите еще большей беды для армии и государства, ставьте Жукова.

Кстати, в 1957 году многие маршалы предложили назначить министром обороны Рокоссовского, но он тоже был неудобен Хрущеву.

Что же касается назначения Рокоссовского в Польшу в 1949 году, то это отнюдь не было ссылкой. Голованов так пишет об отношении Сталина к Рокоссовскому:

"Рокоссовский был полководцем, к которому с большим уважением, с большой теплотой относился И.В. Сталин. Он по-мужски, то есть ничем не проявляя это на людях, любил его за светлый ум, широту мышления, культуру, скромность и, наконец, за его мужество, личную храбрость, решительность и в то же самое время за его отношение к людям, своим подчиненным. Единственный, кого Сталин после Шапошникова стал называть по имени-отчеству, был у Верховного на особом счету".

После войны Рокоссовский был Главнокомандующим Северной группой войск. В 1949 году его вызвали в Москву. Сталин пригласил на дачу.

— Константин Константинович, у меня к вам большая личная просьба, — сказал Сталин. — Обстановка такова, что нужно, чтобы вы возглавили армию народной Польши. Все советские звания остаются за вами, а там вы станете министром обороны, заместителем председателя Совета министров, членом Политбюро и маршалом Польши. Я бы очень хотел, Константин Константинович, чтоб вы согласились, иначе мы можем потерять Польшу. Наладите дело — вернетесь.

Сам Рокоссовский говорил, что его не очень-то прельщала такая перспектива, но просьба Сталина — не простая просьба... Пришлось ехать.

Вспоминаю о польском периоде своей службы, богатырь двух народов (мать русская, отец поляк), Константин Константинович любил рассказывать, как ему дали красивую секретаршу и она утром явилась к нему в кабинет с бумагами:

— А там все по-польски написано, и я пытаюсь говорить по-польски — беру русский корень слова и приделываю к нему шипящее окончание: "Разобрамшись, докладайте!", дескать, разберись, а

потом докладывай. Но секретарша смутилась и спросила, хорошо ли пан Рокоссовский знает "польскую мову". Оказывается, я сказал ей: "Раздевайся, а потому докладывай!"

Красавец он был все-таки, ничего не скажешь. Наверно, самый красивый из наших полководцев. Я видел его портрет, вышитый шелком польскими женщинами.

... Теперь уж можно рассказать — был у него роман с известной актрисой. Она даже пришла и рассказала об этом жене Рокоссовского Юлии Петровне.

— Мы сами разберемся, — ответила ей Юлия Петровна, и актриса была поражена ее благородством. Ведь она написала письмо Генеральному прокурору СССР о том, что давно близка с Константином Константиновичем, а тот почему-то не хочет оформить юридически их отношения. Неизвестно, как реагировал главный законник страны — он не оставил следов на этом послании. Зато есть резолюция другого человека:

"Суворова сейчас нет. В Красной армии есть Рокоссовский. Прошу это учесть при разборе данного дела. И. Сталин".

А актриса показывала друзьям золотые часики с выгравированной надписью: "ВВС от РКК" — от есть "Военно-Воздушным Силам от Рабоче-Крестьянской Красной..."

Не знаю, кто бы рискнул разбирать это "дело" после такой резолюции, где Сталин, ни слова не говоря о сути "дела", поставил своего "Багратиона" рядом с Суворовым...

Польская форма ему шла, как и советская. Есть фотографии. На одной — он на похоронах Сталина. Вспоминаются стихи Суркова:

**Вот перед гробом плачет маршал Польши —
Твой никогда не плакавший солдат.**

В Польской Народной Республике, на ее высоких постах, он пробыл семь лет. В 1956 году там начались волнения, выступления против коммунистов.

"Польское Политбюро не знает, что делать. День и ночь заседают и пьют "каву", — говорил Константин Константинович. — А в стране сложная обстановка, убивают коммунистов... Я слушал-слушал, пошел к себе в кабинет и вызвал танковый корпус..."

В ту пору Польше не удалось порвать с социализмом. Но Рокоссовский был вынужден улететь в Москву — навсегда. Говорят, всего с одним чемоданчиком.

В Москве маршала двух армий принял Н.С. Хрущев и сообщил о назначении заместителем министра обороны СССР.

— По мне бы, и округом командовать вполне достаточно, — ответил скромный Рокоссовский.

— Да вы не подумайте — это мы потому вас так высоко назначили, чтоб этим полячишкам нос утереть! — ответил Никита Сергеевич.

"И так он плюнул в душу этими словами, — вспоминал Константин Константинович. — Мол, сам-то ты ничего из себя не представляешь, а это ради высокой политики сделано..."

Но настоящий плевок будет впереди, когда Хрущев развернет антисталинскую кампанию. Он попросил Рокоссовского написать что-нибудь о Сталине, да почерней, как делали многие в те и последующие годы. От имени Рокоссовского это здорово прозвучало бы: народный герой, любимец армии, сам пострадал в известные годы...

Маршал наотрез отказался писать подобную статью, заявив Хрущеву:

— Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!

На другой день, как обычно, он приехал на работу, а в его кабинете, в его кресле уже сидел маршал К.С. Москаленко, который предъявил ему решение Политбюро о снятии с поста заместителя министра. Даже не позвонили заранее...

"Встану утром, сделаю зарядку, умоюсь, побреюсь и вспомню, что мне некуда и незачем идти, — говорил Константин Константинович Голованову. — Мы свое дело сделали, и сейчас мы не только не нужны, но даже мешаем тем, кому хочется по-своему изобразить войну".

На одном из правительственных приемов, когда произнесли тост за Н.С. Хрущева и все потянулись к нему с рюмками чокаться, даже хромой, еле передвигающийся военачальник, в общем, все, — Рокоссовский и Голованов остались стоять на месте, а они самые длинные, самые заметные. Больше их на такие приемы не приглашали. Оба оставались в тени.

...Он был из тех людей, которых называют легендарными. Помню военную песню о батальонном командире, где есть такие слова:

**Капитан, наш любимый комбат капитан,
Капитан, гладко выбрит и чуточку пьян,
Капитан, мы встаем по команде "вперед!",
Капитан раньше нас на секунду встает...
И в честь него гремел салют московский,
Он под Варшавой дрался впереди,
И не его ли обнял Рокоссовский,
Срывая орден со своей груди!**

Если о человеке поют, наверно, это что-то значит. Когда Жуков стал четырежды Героем, его поздравил Буденный, на что Жуков ответил:

— Семен Михайлович, обо мне песен не поют, а о вас поют...

Конечно, это не самое главное. Но безразличия к фамилии Рокоссовского не было никогда, она вызвала восхищение. Рокоссовский — звучит как бой, как музыка Победы, как ратная слава. Красавец в генеральском кителе стоит над бруствером 1941 года. Пуля сшибает с головы фуражку, а он и не думает об укрытии. Что это? Бравата? Думайте так. Но тот, кто еще минуту назад помышлял слиться в плен, не побежит к врагу, увидев такого генерала.

Немцы давали прозвища нашим полководцам. Был, например, "генерал Паника"... Рокоссовского враги прозвали "генерал Кинжал" — победу он добывал на острие кинжала, который, углубляясь в противника, окончательно поражает его.

Во время "холодной войны", когда американцы угрожали нам со своих баз в Турции и накалилась южная граница, в западной печати промелькнуло краткое сообщение: "Командующим Закавказским военным округом назначен маршал Рокоссовский — мастер стремительных ударов и массовых окружений". Заметка возымела действие...

Все, кто знал Рокоссовского, говорят прежде всего о его человеческих качествах, которые, на первый взгляд, даже затмевали в нем талант полководца. Отмечают, что его скромность мешала ему громко сказать о себе.

Известный детский поэт С.Я. Маршак рассказывал, как на аллее одного из подмосковных санаториев он часто встречал высококого, подтянутого мужчину. Стали здороваться друг с другом, потом как-то вместе оказались на одной скамейке. "Было что-то очень знакомое в нем, в его выправке, — говорил Маршак, — и я спросил, не военный ли он?"

— Военный.

— Наверно, были и на фронте?

— Воевал. Приходилось.

— Я тоже часто бывал на фронте, — сказал ему Маршак и стал говорить о своих воинских доблестях. А потом поинтересовался фамилией собеседника — уж больно знакомое лицо!

— Рокоссовский, — просто ответил новый знакомый. "Представляете мое состояние!" — смеялся Самуил Яковлевич.

Что-то гордо согрывает душу, когда под музейным стеклом читаю текст ультиматума, направленного гарнизону одного из немецких городов: "Я, маршал Рокоссовский, наголову разгромивший вашу войска под Сталинградом и Курском..."

Это писал наш полководец, именем нашей страны, на государственном языке нашего народа.

Когда я думаю о нем, жизнь его вспыхивает передо мной яркими картинками. Вот он в штатском костюме, на выставке достижений народного хозяйства, едет в открытом экскурсионном троллейбусе, и кто-то его уже узнал и раскрыл рот от изумления, а он улыбается и жестами умоляет не привлекать внимание...

Вот он собирается на военный парад и в потрясающем своем мундире, в золоте звезд, бриллиантах ордена Победы выходит на лестничную площадку. Навстречу идет подруга дочери Ады.

— Ну как я выгляжу, Марина? — улыбаясь, спрашивает он.

— Конеч света, Константин Константинович!

А он и в старости был очень красив — так, что и не видно было старости.

Вот его пригласили на празднование годовщины освобождения Минска — он командовал теми войсками. Праздник устроили необычный, с огромным количеством цветов. И не то чтобы букеты преподносили — было по-другому. Толпы народа образовали живой коридор, сквозь который шел Рокоссовский, и ему под ноги бросали розы. Это его последний праздник. Константин Константинович уже был тяжело болен. Он смущенно шагал, стараясь не наступать на живые цветы, но ему бросали их под ноги. Его любили. И этим все сказано.

Он умер в субботу 3 августа 1968 года. Хорошо помню тот день. Мы испытывали в Шереметьеве маленький самолетик Як-18Т, и я сидел в кабине, готовясь к полету. По радио передали сообщение...

